

14 ИЮН 1975

ЛЕНИНГРАДСКИЙ театр комедии в рекомендации не нуждается — давно завоевана прочная репутация театра, богатого талантами, беспокойного, ищущего своих драматургов, свой репертуар. И своего зрителя. В триединстве «драматург—театр—зритель» компонент «зритель» едва ли не самый важный и уж во всяком случае — равноправный.

Стало быть, не нуждаясь в рекомендациях, Театр комедии, как и всякий театр, а может быть, в силу своей направленности — больше других, — остро нуждается в понимании зрителя, в его способности «настроиться на волну» той или иной работы театра.

Если сравнить гастрольные афиши Театра комедии 1969 и 1975 годов, нынешняя окажется в выигрыше. И не только и не столько количественно. Речь идет о современной, советской комедии, сегодня она представлена таинной, произведением, как «Сослуживцы» и «Рождественник» Э. Брагинского и Э. Рязанова, «Маленькое окно на великий океан» Р. Гамзатова, «Этот милый старый дом» А. Арбузова и «Старый Новый год» М. Рошнина — пьесами «хорошими и разными». Правда, в афише стоит и «Неравный брак», о котором

И оставляет на долгое время этукую занозу в мыслях, заставляющую время от времени возвращаться к увиденному.

«Старый Новый год» — пьеса для постановки совсем непростая, и причин тому — множество. Даже просто читать ее так увлекательно, смешно, грустно и поучительно, что, на первый взгляд, поставить ее на сцене проще простого. Однако «простота» эта оборачивается такой сложностью, что пока еще «абсолютного успеха» достичь не удалось самым маститым коллективам (правда, может, маститость в таком деле — помеха?). А два плана, в которых развивается действие, — в двух квартирах одного дома одновременно терзаются «мировой скорбью» Петр Себекин и Петр Полуорлов, — столь различны по драматургической стилистике, что совместить их не всегда удается даже самому автору.

Режиссер Петр Фоменко поместил своих героев в квартиры рядом, но разделил их на сцене даже воображаемой меловой чертой. Более того, он умышленно смешивает в кульминационные моменты их «жилплощадь». Художник И. Ива-

тех «букарей», которые без рукопашной публики и шагу не сделают, а собственную парадную готовы возвести в кризис мизансцены. Полуорлов — вальяжный, заласкавший, красивый домашний тиран, любое несладкое с собой объявляет насилием над личностью, разумеется, почтя себя личностью, да еще какой!.. Только и он и Себекин личностями не являются, хотя каждый, в достаточной ему форме, своевременно заявляет свое кредо.

Перед нами без прикрас предстают мешанин интеллигентный — и неинтеллигентный; и оба — хуже. Неинтеллигентный еще хлещет, тоскуя, что не все, что видел в домах, к себе приволок. Интеллигентный уже поспирит — и высвиривает изкупленное. А вся-то ревнивые взгляды и способа жизни выливается у обоих в пыльную кратику... собственных жён.

У Себекина все надсадо орут, у Полуорловых говорят потише, но и там и здесь не слышат друг друга, да им и не надо. Привычный, никого не пугающий скандал у Себекина развивается по испытательной не раз в этом доме схеме: мечутся по дому, все включаются в ссору, величественно взойдет тесть в пижаме, надем прямо на исподнее, заверещат прозрительно Клава.

У Полуорловых мечутся, швыряются, кричат по-своему, но очень похоже на Себекинских.

В Полуорлове и Себекине концентрируется психология того слоя мешанства, который каждый из них представляет. Актеры не коллекционируют внешние признаки, а вынюхивают самую суть героев. С. Коковкин менее «бытовой», в стилистике исполнения здесь целиком согласуется с образом: вообразив себя чуть не Львом Толстым, покинувшим Ясную Поляну, Полуорлов отрешен от быта (правда, если он голоден — он раздражается, как худшие из смертных). Н. Пеньков — целиком в быту; сочно и щедро выплывает он Себекина, введшего в раж в своем «оплбченном» раю. Может, правда, отдельные детали не стоило б настолько выпячивать; Себекин от этого ничего б не проиграл, а цельность спектакля выиграла.

Из дома в дом свует «свои» старик Адамчик (В. Труханов) личность несколько загадочная, хоть вроде и весь он на виду. Охотно рассказывает случаи из своей жизни — разнообразные поучительные, как притчи. Незавольный, нешумный старик все пробует «поправять» соседей: то коврик подравнять, то в парной веничком полхлестать... то напомнить, что «общим обществом жизнь происходит». Но чуев он, что все это впустую, грустно глядит он на рвущихся к «новой жизни» Себекина и Полуорлова и вопрошает на своем, Адамчик, «научном» языке: «Филтя в комедия?» — что должно означать: надолго ли хватит?..

Вряд ли надолго, ведь никакого охищения не произошло. Все пойдет по-старому: новый год — старый...

Пьеса Рошнина отличается гибкой естественной интонацией; ироничными диалогами; и всем этим достоянием театр раскрывается берливо, но демонстрирует мастерство актеров, а стремись максимально выразить свою, театра, позицию. Кстати, и сценическая культура, и мастерство авторов не остаются незамеченными. С. Коковкин, Н. Пеньков, Е. Уварова, Я. Пилипино, Я. Труханов ведут спектакль свежо, заставляя зал мыслить и чувствовать так, как хочется театру. Правда, не все работы в «Старом Новом годе» настолько высокому уровню. Перой исполнителю явно «жмут».

А вот это уж противопоказано умной, глубокой комедии.

Л. БРАНДОВСКАЯ.

ГАСТРОЛИ

**ПРОДОЛЖЕНИЕ
ЗНАКОМСТВА**

главный режиссер театра В. Голинов в конце прошлого года сказал: «Что же насчет «Неравного брака», то этот спектакль за свои (скажем так) невысокие художественные достоинства руководством слят с репертуара».

Почему же «слабыми» спектакли оказались в репертуаре, И его покажут минимум пять раз, тогда как «Тележке» в Либановском, В. Шоу — четыре, а пьесу по Р. Гамзатову и «Сале Степанчикове»... — всего по два раза? Слова нет, при формировании репертуара руководству необходимо учитывать материальные интересы театра, но зритель «Неравного брака» потерян для Шоу, Достоевского, Мольера — в общем, для всего, что не есть «торшерная драматургия».

Может быть, дебет-кредит все-таки не главное определяющее успеха театра?

Может, во сто крат важнее — пробудить в зрителе замешинка?

Эти слова одного из крупнейших советских театроведов Г. Бояджиева можно поставить эпиграфом ко многим показанным минчанам спектаклям. Театр стремится удовлетворить художественные запросы разных слоев зрителей, рассказать, расширить границы жанра комедии, о трагическом, прекрасном и безобразном... Театр философствует, ведует, иронизирует — в «Тележке» и «Языках», «Физиках», «Селе Степанчикове», «Мизантропе» и «Цилиндрах». Театр насмехается, размышляет и весело, с наслаждением смеется в «Рождественниках», «Старом Новом годе» и «Романтиках». Н. Акимов, чьим именем мы и сегодня называем театр, как-то заметил, что «многие умные и сообразные люди были замечены в систематическом посещении цирка и балета. Нет основания полагать, будто самое ценное, что они оттуда вынесли, были глубокие мысли... Радость общения с искусством, хороший вкус, красотой, добротой — немалое приобретение. — утверждает Театр комедии.

ВЕЧЕР, проведенный из спектакля «Старый Новый год» по пьесе М. Рошнина, оказывается довольно-таки насыщенным: испытываешь веселье и злость, злое удовлетворение: вот как приговорили! — и невольность: не мешало б на себя оглянуться...

нов определял их место в мизансцене: на звездном небе — две луны, каждому — персональная, точь-в-точь такая, как у соседа.

А среди... Петр Себекин, в этот день переживает лик, так сказать, звездный час своего существования: в новенькой квартире он уживается новенькими приобретениями: все — как у людей, всего — больше, чем у других, и все — «оплбчено»! Это «оплбчено» пронюхает Н. Пеньковым со всевозможными интонациями, и в нем те же нотки, яти и в самодольном баритоне себекинского тестя, визгливой колоратуре тещи и напористом soprano жены Клавы. Эту же мелодию выводит малолетняя дочь Лизка: «Мое!» Так что, несмотря на временные несогласия, семья эта поет, так скажем, в унисон, и их праздник торжествующих мешан театром показан достаточно полно.

Мешанин достаточно информирован о «принципах материала заинтересованности», а также о «репутации авторитета», а потому, вставая в артели кукула голоса-пишалки, не замедлит приписать себя к рабочей классу. Себекин-Пеньков заявляет свои взгляды широко, с вызовом, хотя нет-нет да и промелькнет в его интонации неуверенность. И нам покажется, что он не безнаджен... Только, судя по всему, вряд ли, скорее это отголоски прошедших гроз, а сегодняшней Себекина целиком и полностью со всей своей небогатой душой рекуртурирован миром мешанства. «Онистивать от ложных заблуждений» дано ему лишь в парадке с пивком, да и то на время, которое «оплбчено» билетом.

А в квартире рядом — Петр Полуорлов «в конфликте с современной цивилизацией и с самим собой», как заявляет его тему автор. А по представлению театра, актера С. Коковкина и нашему — мешанин, утомленный высшим образованием. В противоположность Себекину, Полуорлов в эту ночь изгоняет вещи из дома.

Полуорлов С. Коковкина из